

УДК 81'373.43

СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС И СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ

А.А. Солдатова

Военная академия воздушно-космической обороны, Тверь

В статье рассматривается специфика судебного перевода, вводится понятие структурно-логических трансформаций, анализируется тенденция появления неологизмов и способ их перевода.

Ключевые слова: *судебный дискурс, перевод судебного дискурса, судебные неологизмы, структурно-логические трансформации.*

Одним из парадоксов перевода является необходимость транспонировать текст в культуру получателя и одновременно сохранить «инокультурный» колорит. Как верно замечает Ю. Найда, в процессе перевода должен действовать «принцип эквивалентного эффекта» [2: 119], когда переводчик ориентируется не столько на формальную сторону оригинала, сколько на реакцию реципиента, добываясь максимальной ясности и естественности перевода.

Роль переводчика судебного дискурса чрезвычайно высока – он не просто является транслятором сообщения, но и обязан быть знатоком судебно-процессуальных систем, правовых норм и юридической терминологии. Судебный дискурс является различающим фактором между национальными культурами, а в монокультурном общении — это по сути комплексное выражение взаимоотношений между человеком и обществом, в связи с чем анализируемое явление функционально направлено на формирование у реципиентов некоего фрагмента мировосприятия, или картины мира.

По причине расхождения в системах языков, несовпадения их норм и узуса происходят переводческие трансформации. Совмещая позицию первичного реципиента исходного текста, переводчик проводит вторичную рефлексию, предполагающую совокупность структурно-логических трансформаций [3: 65], которые включают в себя: (1) логико-грамматическую компенсацию. В ходе реализации своей деятельности, перевода рукописных следственных и судебных документов, переводчик сталкивается с определёнными сложностями: трудночитаемыми, неразборчивыми и даже нечитаемыми местами в тексте; в таких ситуациях переводчику приходится прибегать уже не к собственно переводу, а к расшифровке смысла, восстановлению логико-грамматической связи предложения, и тем самым восполнять текстовые лакуны; (2) логико-ситуативную компенсацию. К данному типу трансформации переводчик прибегает в силу необходимости введения собственных примечаний, так называемых *footnotes*. Имеет место порождение нового целостного высказывания с собственным структурно-языковым оформлением. Переводчик использует сноски, комментарии, примечания, справки и др. как эксплицирующий способ, помогающий восполнить в переводе скорее всего неизвестную для реципиента культурологическую информацию и таким образом достигает требуемого коммуникативного эффекта); (3) логико-стилистическую компенсацию. Перевод следственных и судебных документов подчас подразумевает исправление множест-

венных стилистических ошибок (тавтологий, избыточных повторов), изменение неправильных, ошибочных соединений слов («мы не можем на белое говорить чёрное»; «дело производством прекратить»; назначить дело слушанием») и приведение исходного текста к требуемому стилю изложения на языке перевода.

При этом форма подачи переведённого материала всегда эксплицитна. В процессе перевода учитываются специфика аудитории и цель сконструированного текста[^]

«У каждого текста есть свой читатель. Вот текст возник – и сразу нашёл того, кто его прочтёт; верно утверждение о том, что ни одно предложение не выходит из-под пера писателя без образа будущей аудитории; почти каждая строка содержит намёк на воображаемого Читателя, что позволяет уже настоящему Читателю воссоздать собственный абстрактный образ» [5: 5].

Ввиду данной специфики особой сложностью представляется введение (посредством перевода) новых понятий, терминов/неологизмов в язык права. Требование адекватности отражения понятий заключается в точности его обозначения. Кроме этого возникает вопрос, так ли необходимо заимствование иноязычной правовой терминологии, и, если да, то каковы способы и модель образования новых понятий в языке принимающей культуры? Попробуем ответить на эти вопросы, рассмотрев относительно недавно появившуюся в американском английском языке права лексическую единицу *a benchslap/to benchslap*, её дериваты и их интерпретационный потенциал.

Как утверждает Брайан Гарнер (Bryan Garner), гуру юридического языка и редактор авторитетного юридического словаря «Black's Law Dictionary», на который принято ссылаться как на вторичный источник права в Америке, именно с его легкой руки в 2004 году появился неологизм *benchslap*, который подхватили средства массовой информации, «The New Yorker» в 2005 г., а затем и «The New York Times» в 2006 г. В июле 2012 года Мэттью Бауерс (Matthew Bowers) издает книгу под названием «Benchslapped: Publicly Humiliating Judicial Opinions», а заголовки юридических блогов начинают пестреть заявлениями *Benchslap of the Day*, *Benchslap above the Law*, *Judge Posner's Fresh Benchslap*, *A reverse Benchslap?* и т.п. Интенсивность динамики распространения лексической единицы заставила задуматься составителей словаря «Black's Law Dictionary» о её включении в 10-е издание. Следует заметить, что дефиниции на русском языке для данного понятия пока не существует. Слово *benchslap* образовано путём словосложения – «*bench*» (скамья; суд; место, где сидят судьи) + «*slap*» (пощёчина, шлепок, осуждение, выговор). Юридический журнал «The Southeast Texas Record» даёт следующее определение анализируемой единицы: «*a "benchslap" is when a judge delivers some stinging criticism, usually directed at one of the parties, their lawyers, or a position taken by either of the above*». *The ABA Journal* трактует слово как «*order by a judge threatening sanctions or other disciplinary action if a prohibited action occurred again; a monetary sanction imposed from the bench as a form of discipline*». В свою очередь онлайн-словарь «Urban dictionary» предлагает следующее определение: «*a benchslap is when a judge humiliates an attorney, insults another judge, or reverses a lower court in a particularly demeaning manner*». Негативная коннотация лек-

сической единицы *benchslap*, указывающая на нарушение судьёй профессиональной этики в ходе судебного разбирательства видится ещё более очевидной при рассмотрении производных данного неологизма. Рассмотрим новые модификационные значения, возникающие в результате словосложения.

Джош Блэкмен (Josh Blackman) в своей статье «The 8 Best Benchslaps of 2012» выделяет следующие типы «жёстких» или оскорбительных высказываний судьи.

1. *Horizontal bench slap* – означает замечание судьи, наносящее ущерб авторитету коллеги одной и той же судебной инстанции:

«Chief judge Jones slams her hand down on the table (loudly), stands halfway up out of her chair, and points toward the door.

*Chief judge Jones: **Would you like to leave?***

Judge Dennis: Pardon? What did you say?

*Chief judge Jones: **I want you to shut up** long enough for me to suggest that perhaps....*

Judge Dennis: Don't tell me to shut up...»

Очевидно нарушение судьёй Джоунсом норм служебного поведения, когда в столь пренебрежительной форме он сначала предлагает судье Деннису удалиться, а затем в грубой форме предлагает замолчать – «*Я хочу, чтобы Вы заткнулись! С меня довольно предложений, которые возможно...*». При этом невербальная форма проявления эмоций не менее унизительна для судьи Денниса – председательствующий судья *громко хлопает ладонью по столу, встает со стула и указывает на дверь судье Деннису*. Тем самым судья Джоунс даёт понять судье Деннису и всем остальным присутствующим в суде, что мнение последнего, мягко выражаясь, не заслуживает внимания.

2. *Vertical Bench Slap* – означает замечание судьи, умаляющее авторитет судьи предыдущей (низшей) инстанции: «*Frankly, this kind of rhetoric is not funny. In fact, it is so **caustic, demeaning, and gratuitous** that it **casts more disrespect on the judiciary** than on the now-besmirched reputation of the counsel*».

Судья вышестоящей инстанции подвергает резкой критике заявление судьи низшей инстанции, утверждая, что оно звучит настолько саркастически, унизительно и неоправданно, что в большей степени бросает тень не на местный совет с запятнанной репутацией, а на саму систему судебного органа.

3. *GVRtical* (сложносокращённое слово от *Grant-Vacate-Remand*; следует произносить *Go Vertical*) *benchslap* – весьма неприятная ситуация, когда Верховный суд США удовлетворяет ходатайство истребования дела вышестоящим судом, отменяет решение суда нижестоящей инстанции и возвращает дело в первоначальную инстанцию. Таким образом, подвергается сомнению постановление суда, а также объективность и независимость самого судьи при осуществлении правосудия:

*«circuit precedent **does not constitute** “clearly established Federal law, as determined by the Supreme Court”. It therefore **cannot form the basis** for habeas relief under AEDPA. Nor can the Sixth Circuit’s reliance on its own precedents be defended in this case on the ground that they merely reflect what has been “clearly established” by our cases. The highly generalized standard for evaluating claims of prosecutorial misconduct set forth in *Darden* **bears scant resemblance** to the **elaborate, multistep test employed by the Sixth Circuit** here. It was **plain and repetitive error** for the Sixth Circuit to rely on its own precedents in granting *Matthews* habeas relief».*

Федеральные окружные суды представляют собой систему судов в рамках федеральной судебной системы; они являются судами первой инстанции, уполномоченными на рассмотрение дел ограниченной юрисдикции по гражданским и уголовным делам. В этом случае судья Верховного суда утверждает, что окружной суд не уполномочен вводить в силу Федеральный закон, установленный Верховным судом, и, соответственно, не может формулировать основание для удовлетворения правопритязания согласно закону «О борьбе с терроризмом и применении смертной казни». Ссылки Шестого окружного суда на собственные прецеденты не могут быть оправданы на том основании, что они едва ли отражают то, что было юридически доказано в делах Верховного суда. Поверхностную оценку исков о нарушении при ведении следствия в Дардене едва ли можно сопоставить с «детальным и многоступенчатым» анализом, проведенным в Шестом окружном суде. Верховный Судья выражает отказ в доверии окружному суду, заявляя, что это было не первой ошибкой, когда суд, полагаясь на собственные прецеденты, вынес решение о предоставлении Мэттью судебной защиты.

4. *Reverse benchslap* – означает замечание судьи нижестоящей инстанции, умаляющее авторитет судьи Высшего арбитражного суда (выражение введено в обращение Дэвидом Латом (David Lat), в прошлом федеральным обвинителем, а ныне основателем и главным редактором юридического блога «Above the Law»). В контекстной ситуации председательствующий судья обнаружил, что положение Программы о предоставлении медицинского страхования федеральным служащим наделяет Управление кадров США возможностью распространять пакет льгот по социально-медицинскому обслуживанию в том числе и на однополые пары, поскольку определение «член семьи» слишком широко, чтобы исключить наличие права не подпадающих под эту категорию граждан:

«Chief Judge Kozinski found that the FEHB statute confers on the OPM [Office of Personnel Management] the discretion to extend health benefits to same-sex couples by interpreting the terms “family members” and “member of the family” to set a floor, not a ceiling, to coverage eligibility...».

Окружной судья, в свою очередь, находит данный довод неубедительным – *«the Court finds this reasoning unpersuasive».*

5. *Best flying benchslap* – саркастическое, едкое замечание судьи в сторону участника судебного дела, «тормозящего» судебное разбирательство или вносящего в него путаницу:

«Maybe appellants think that if they ignore our precedents their appeals will not be assigned to the same panel ... Whatever the reason, such advocacy is unacceptable. The ostrich is a noble animal, but not a proper model for an appellate advocate. The “ostrich-like tactic of pretending that potentially dispositive authority against a litigant’s contention does not exist is as unprofessional as it is pointless».

Судья, сравнивая адвоката со страусом, ставит под сомнение его профессионализм и репутацию:

«возможно, сторона, подающая апелляцию, полагает, что если будет игнорировать наши прецеденты, их апелляции будет рассматривать другая коллегия... Какой бы ни была причина, такая тактика защиты неприемлива. Страус – благо-

родная птица, но её поведение не может служить моделью поведения для апелляционного адвоката. Не только не профессионально, но и бессмысленно притворяться, что распорядительный орган не существует».

6. *General Benchslap* – критическое замечание председателя Верховного суда в в сторону главного прокурора США:

«It would be more candid for your office to tell us when there is a change in position that it's not based on further reflection of the secretary. It's not that the secretary is now of the view — there has been a change. We are seeing a lot of that lately. It's perfectly fine if you want to change your position, but don't tell us it's because the secretary has reviewed the matter further, the secretary is now of the view. Tell us it's because there is a new secretary».

Председатель Верховного суда, фактически, «припирает к стенке» главного прокурора и заставляет его сознаться, в том, что *смена позиции не является результатом детального обдумывания*. Фактически, всему виной лишь появление на арене нового секретаря. Тем самым, председатель бросает тень на профессионализм и порядочность прокурора.

7. *Inter-article benchslap* – критическое замечание судьи по поводу решений лиц вышестоящих инстанций, и, по умолчанию, президента:

«referring to statements by the president in the past few days to the effect...that it is somehow inappropriate for what he termed "unelected" judges to strike acts of Congress that have enjoyed — he was referring, of course, to Obamacare — what he termed broad consensus in majorities in both houses of Congress. That has troubled a number of people who have read it as somehow a challenge to the federal courts or to their authority or to the appropriateness of the concept of judicial review. And that's not a small matter. So I want to be sure that you're telling us that the attorney general and the Department of Justice do recognize the authority of the federal courts through unelected judges to strike acts of Congress or portions thereof in appropriate cases..I would like to have from you by noon on Thursday...a letter stating what is the position of the attorney general and the Department of Justice, in regard to the recent statements by the president, stating specifically and in detail in reference to those statements what the authority is of the federal courts in this regard in terms of judicial review..».

Судья комментирует сделанное Обамой заявление, что *федеральные суды якобы не могут саботировать решение Конгресса*, в частности, *решение о реализации программы здравоохранения Obamacare*, и требует от министерства юстиции письменного заявления о своей позиции на этот счёт.

Факт относительно длительного существования лексической единицы «*benchslap*» с 2004 года по настоящий момент и появление её дериватов позволяют утверждать, что, перейдя из разряда окказионализмов (слов, образованных по случаю), эта единица включилась в линейную цепочку временной последовательности речевых актов, и вместе с тем, сохраняя новизну и свежесть, удачно вписывается в американский юридический разговорный дискурс. Анализируемый неологизм представляет интерес не только возможностью отследить его развитие с самого начала и установить его авторство, но и спецификой своего возникновения, которая позволяет говорить об определённых языковых тенденциях. Несмотря на то, что письменная коммуникация вторична по отношению к устной, в данном случае, происходит обратная связь, интерактивно опубликованное в блоге слово «вплетается в ткань» устного юридиче-

ского дискурса. При этом реализуется коммуникативно-прагматическая стратегия экономии времени и языковых средств и особый информационно-презентационный приём, когда одно слово (*benchslap*) оказывается настолько ёмким, что вмещает в себе информацию об основных компонентах речевого акта (по Р.О. Якобсону [4]) – о контекстной ситуации (судебное разбирательство), адресанте (судья), коде речевой ситуации (юридический стиль), эмоциональной тональности речевого высказывания (критика), а в отдельных случаях (речь идёт о дериватах лексической единицы) и адресате речевого акта (судья нижестоящей, вышестоящей инстанции и пр.).

Эта занимательная классификация понятия «судебное оскорбление», содержащая в себе богатую палитру нюансов, предполагает, на наш взгляд, использование при переводе одного из типов структурно-логической трансформации, в частности *логико-ситуативной компенсации*. В нашем случае будет иметь место порождение нового целостного высказывания с собственным структурно-языковым порождением.

Сжатость модели N1+N2 (*bench+slap*) представляет большие трудности при переводе на русский язык и требует декомпрессии. Скрытая информация, заложенная в контексте и фоновых значениях, потребует атрибутивной формы выражения на языке принимающей культуры, а в случае с дериватами анализируемой единицы – и развёрнутого/разъяснительного перевода. Переводчик вынужден использовать собственные комментарии, чтобы выразить оценочную модальность высказывания и ценностные представления иной культуры.

Эмоциональная тональность лексической единицы заставляет переводчика учитывать, что *bench slap* – это эвфемизм от *bitch slap*; данное выражение призвано смягчить негативную нагрузку высказывания. Разница этнических концепций может порождать конфликт национально специфичных форм восприятия картины мира, свойственных американской и русской культурам. Стратегия ориентирования на сохранение эвфемистической экспрессивности подразумевает некий плод слияния информационных потоков.

Учитывая набирающую силу тенденцию заимствования англицизмов, нам видится важным воздержаться от пополнения лексического состава судебного русского дискурса новым словом с экспрессивно-стилистическими особенностями американской культуры. С.В. Власенко, исследуя транслитерированные в кириллицу англицизмы, обращает внимание на удивительную гибкость русского языка, когда речь идёт о приобщении принимающего русского языка к глобальному языковому коду, и отмечает тенденцию «лексического моделирования по правилам английской синтагматики с препозицией заимствованной морфемы или лексемы» [1: 2–4]. На наш взгляд, излишняя адаптивность русского, как принимающего языка, может привести к утрате его своеобразия. В итоге, возможно формирование удобного для межкультурной коммуникации наднационального кода за счёт «стирания» поля русской речевой культуры. Экспрессивность данных неологизмов отражает и закрепляет в лексике узко профессиональные эмоциональные реакции, которые включают такие эмоции, как гнев, негодование, презрение, циничная издёвка и мрачный юмор, балансирующие «на грани приличия» и являющиеся продуктом низкого стиля. Их метафорика примитивна и вульгарна. Будучи точно воспроизведёнными, они окажутся мало понятными и, скорее всего, мало приятными для

слуха аудитории принимающего языка. Цель употребления лексических единиц, рождённых на неолиберальных просторах сетевой блогосферы, – эпатировать публику. Поэтому переводчику судебного языка следует производить отбор лексики, руководствуясь своим языковым чутьём, не копируя, а реконструируя особенности дискурса, при этом сохраняя достоверность.

В целом, для судебного дискурса характерна организация решения проблемы регулирования социальных отношений между индивидами, отсюда следует его отстранение от субъекта дискурса. Высокая степень стилистической близости к оригиналу не обеспечивает переводу «жизнеспособности»; это тот случай, когда важны именно фактическая информация и сохранение стиля правовой культуры принимающего языка.

Список литературы

1. Власенко С.В. Адаптивность русского как переводящего языка в англо-русском коммуникативном взаимодействии с позиций переводоведения. // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. М.: МАКС Пресс, 2008. Вып. 36. С. 70–82.
2. Найда Ю.К. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения. 1978. С. 114–137.
3. Солдатова А.А. Переводческие трансформации юридического текста // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2010. № 5. С. 63–65.
4. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / пер. с англ., фр., нем, чеш., польск., и болг. яз. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
5. On analysing and evaluating written text. *Advances in written text analysis* / Ed. by Malcolm Coulthard. London: T.J. Press, 1994. 320 p.
6. Urban Dictionary [Electronic resource] // URL: <http://tinyurl.com/khfo3e7> (accessed at 05.09. 2014).
7. Josh Blackmans Blog. [Electronic resource] // URL: <http://tinyurl.com/lukognu> (accessed at 05.09. 2014).
8. Above the Law. David Lat's Blog [Electronic resource] // URL: <http://tinyurl.com/khfo3e7> (accessed at 07.09. 2014).
9. The Southeast Texas Record. Southeast Texas' Legal Journal. January 2, 2012 by John G. Browning [Electronic resource] // URL: <http://tinyurl.com/kdg36nj> (accessed at 07.09. 2014).

DISCOURSE IN COURT: NEOLOGISMS

A.A. Soldatova

Military Academy of Air-Space Defence, Tver

The paper describes a specific approach towards forensic translation. It provides an outlook on possible transformations from the perspective of the target language, as well as the tendency of the modern legal speech, the practice of using and introducing newly-coined words and phrases.

Keywords: *court discourse, forensic translation, legal neologisms, structural-logical transformations.*

Об авторе:

СОЛДАТОВА Анастасия Анатольевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка Военной Академии Воздушно-космической Обороны, Тверь, e-mail: sotto.voice@gmail.com.